

Этот серийный убийца
неуловим. Он никогда
не убивает дважды
в одном городе.

Но один ложный шаг превратит
его из охотника в добычу.

ТУРИСТ

МАССИМО КАРЛОТТО

Признанный мастер
европейского криминального
романа.

The New York Times

Финалист **Edgar Allan Poe Awards** и **Premio Bancarella**.

Иностранный детектив

Массимо Карлотто

Турист

«Центрполиграф»

2016

УДК 821.131.1
ББК 84(4Ита)

Карлотто М.

Турист / М. Карлотто — «Центрполиграф»,
2016 — (Иностранный детектив)

ISBN 978-5-227-08557-3

На протяжении нескольких лет то в одном, то в другом облюбованном туристами городе Европы находят трупы красивых женщин. Всем убитым от тридцати пяти до сорока пяти лет, все они задушены, и в каждом случае преступник унес сумочку жертвы. Ясно, что все убийства совершил один и тот же человек с нездоровой психикой. Полицейские дали ему прозвище Турист. Преступник невероятно хитер и не оставляет следов. Но в этот раз в Венеции он роковым образом ошибся с «избранницей». Владелица шикарной сумочки, которую ему все-таки удалось убить, несмотря на оказанный жесткий отпор, оказалась сотрудницей спецслужб. Найденная Туристом в потайном отделении сумочки флешка с фотографиями ослепительной восточной красавицы лишает его покоя – он выбирает ее своей следующей жертвой. Но теперь по его следам идут уже не только полицейские, им заинтересовались и люди посерьезнее...

УДК 821.131.1

ББК 84(4Ита)

ISBN 978-5-227-08557-3

© Карлотто М., 2016

© Центрполиграф, 2016

Содержание

Пролог	6
Глава 1	10
Глава 2	16
Глава 3	25
Глава 4	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Массимо Карлотто

Турист

Massimo Carlotto
Il Turista

© 2016 Rizzoli Libri S.p.A. / Rizzoli
© Перевод, «Центрполиграф», 2019
© Издание на русском языке, «Центрполиграф», 2019
© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2019

* * *

Случай – единственный законный властелин мира.
Оноре де Бальзак

Пролог

Венеция. Железнодорожный вокзал Санта-Лючия

Развязный и дерзкий стук каблуков этой женщины – вот что привлекло его внимание. Он почти рывком повернулся к ней и увидел, как она идет вперед, прокладывая путь в плотной толпе пассажиров, которые только что сошли с неаполитанского скорого поезда. Мужчина успел увидеть полу весеннего пальто, которое распахивалось при каждом шаге и позволяло бросить быстрый взгляд на стройные точеные ноги, выставленные напоказ из-под короткого легкого платья.

Когда незнакомка проходила мимо него, он перевел взгляд на ее лицо и дал ему оценку: не слишком привлекательное, но интересное. Затем его взгляд опустился ниже – на сумочку. Она была кокетливого фасона, из тисненой телячьей кожи. Дорогая модель Legend знаменитого английского дизайнера Александра Маккуина. Эта деталь побудила его пойти за женщиной. Поднимаясь на борт речного трамвая, направлявшегося в Фондамента-Нове, они слегка коснулись друг друга, прижатые толпой, и он незаметно вытянул шею и принялся, чтобы почувствовать ее запах. Он сразу узнал этот смолистый хвойный аромат, обволакивающий и чувственный, и убедился, что эта встреча – знак судьбы. После четырех дней ожидания и бесполезных слежек он, возможно, нашел добычу, которая сделает этот отпуск незабываемым.

Свои охотничьи вылазки он устраивал в те вечерние часы, когда венецианцы, работающие на материке, возвращались домой. Это была масса усталых невнимательных людей, которые хотели только одного: сунуть ноги в домашние шлепанцы, хорошо поужинать, а потом улечься на диване перед телевизором. Служащие всех видов и рангов, специалисты различных профессий и студенты прокладывали себе путь среди наполнявших лодки иностранцев. На каждой остановке группа этих пассажиров выходила из лодки и быстрым шагом расходилась по плохо освещенным тихим улочкам и маленьким площадям.

Женщины, за которыми он пробовал следить накануне, разочаровали его. Одни встречали по пути подругу или жениха, другие, подойдя к двери, звонили, а это значило, что в доме кто-то есть. А были и такие, следуя за которыми он оказывался у входа в отель.

Его нынешняя избранница вынула из кармана мобильник, чтобы ответить на вызов. Она громко поздоровалась, а затем понизила голос до неразборчивого шепота. Однако по приветствию он понял, что женщина говорила на французском языке, которого он совершенно не знал. Он был изумлен и упрекнул себя за ошибку. До сих пор он был убежден, что избранница – итальянка: на это указывали и ее манера одеваться, и то, как были подстрижены ее волосы. Он всей душой надеялся, что она постоянно живет в Венеции. Вообще-то в этом городе живет немало иностранцев. Если все пойдет наилучшим образом, он заговорит с ней по-английски. Этот язык он знает так хорошо, что его можно принять за гражданина Великобритании.

Женщина вышла на остановке «Больница Оспе-дале» вместе со многими другими пассажирами. Он специально покинул речной трамвай последним и продолжил слежку. Стук ее каблуков по каменным плитам, которыми вымощена значительная часть Венеции, еще больше облегчал ему и без того несложную задачу.

Спокойным шагом она неторопливо пересекла территорию больницы, где в этот час было многолюдно из-за родственников, которые пришли проводить пациентов, и вышла через главные ворота на площадь Святых Джованни и Паоло. Он подумал, что об этом коротком пути может знать только человек, очень хорошо знакомый с городом. Возле церкви Сан-Франческо-делла-Винья ему пришлось ускорить шаг, чтобы не потерять женщину из виду. От площади Святой Джустины его избранница шла в сторону Салицады до улицы Морион, затем по Рамо до моста Сан-Франческо. Мужчина мысленно измерил расстояние между собой и женщиной.

Не больше десяти метров. Если добыча повернется, то увидит его, и ему придется отойти в сторону или даже вернуться назад. Но он был уверен, что этого не случится: француженка, кажется, спешила домой и думала только о том, чтобы поскорее туда попасть. На улице Чимитеро она замедлила шаг и свернула в огражденный со всех сторон двор. Он позволил себе удовлетворенно улыбнуться.

Женщина не заметила преследователя: ему помогли темная одежда и мягкие резиновые подошвы обуви. Ни о чем не беспокоясь, она порылась в сумочке, отыскала ключи и открыла ими дверь одной из квартир первого этажа. У квартиры был отдельный вход.

Он проверил, не горит ли в квартире свет. Света не было. Темнота и уверенность, что женщина одна, возбудили его так, что он совершенно потерял контроль над собой. Ему было хорошо известно это состояние, когда разум и инстинкт самосохранения отступают и остается лишь отдаться на милость повелителя мира – случая.

Он на цыпочках подбежал к француженке, сбил ее с ног и закрыл дверь.

– Не шевелись и не кричи, – приказал он и стал ощупывать стену, отыскивая выключатель.

Он настолько считал себя хозяином положения, что не заметил, как женщина встала с пола. В тот момент, когда он зажег свет, она принялась бить его кулаками и ногами, не говоря ни слова.

Он был уверен, что она сломала ему по меньшей мере одно левое ребро, и у него ужасно болело внизу живота. Он упал на пол. Ему хотелось свернуться, как младенец в материнской утробе, чтобы ослабить приступы пронзавшей его боли. Но тогда она одолеет его. И он закончит жизнь в тюрьме строгого режима. А до тюрьмы будут неудобные процедуры, осмотры, которые устроят ему умники-специалисты, болтовня журналистов и писателей. Он не может этого допустить!

Он сделал огромное усилие и откатился от разъяренной женщины. Перед глазами у него был туман, но он стал искать взглядом какую-нибудь вещь, которая помогла бы ему защититься.

И ему повезло. Выдержав два ужасных удара ногой в поясницу, он все же схватил медную подставку для зонтов. Собрав все силы, которые придавало ему отчаяние, он принялся бить женщину по ногам этим оружием. Наконец противница упала на пол, и он смог нанести ей решающий удар по голове.

Потом он замер, сжимая в руках свое импровизированное оружие, тяжело дыша и приговаривая нанести новый удар, если женщина придет в себя. Через несколько минут он, несмотря на боль, смог встать на ноги. Француженка не шевелилась. Она лежала на полу, раскинув ноги, и ее платье задралось до самого паха. Он придал ей более пристойную позу и, делая это, заметил, что женщина еще жива.

Все должно было произойти не так. В других случаях это было развлечением. Избранницы вели себя хорошо: они не сопротивлялись и даже проявляли ту подсказанную ужасом покорность, которая так ему нравилась. Они хныкали, молили о жалости, помогали ему, не переставая взывать к его человечности, которой у него не было. А эта ответила жестокостью и молчанием, от которых у него дрожь прошла по телу.

Ему хотелось пойти в ванную комнату и ополоснуть лицо. Но ритуал требовал, чтобы убийство происходило, как только он вошел в дом жертвы. Это было и безопаснее: меньше ходишь по комнатам – меньше оставляешь следов.

Он раздвинул ей руки, придавил их коленями, чтобы не позволить двигаться, сел на нее верхом и стал ждать, когда она очнется.

Его порадовало, что рана на волосистой части головы женщины легкая. Он погладил ее лицо ладонями, одетыми в дорогие хирургические перчатки из стирен-бутадиена, в которых руки оставались более чувствительными, чем в обычных перчатках из латекса.

Женщина открыла глаза. Ее первым движением была попытка ударить его коленями в спину, чтобы освободиться. Но нападавший стал сжимать ее шею. Она смотрела на него с ненавистью и, кажется, не чувствовала страха, словно по-прежнему была готова бороться за свою жизнь. Она старалась изменить ситуацию в свою пользу и в какой-то момент прошептала несколько слов по-французски. Ему показалось, что она несколько раз повторила одно и то же слово, может быть, чье-то имя.

Мужчина понял, что боится свою избранницу и в каком-то смысле находится у нее в подчинении, поэтому поспешил ее убить. Никогда прежде он не делал этого так быстро.

Убедившись, что она не дышит, он с трудом слез с трупа и, давая волю раздражению, пару раз ударил его ногой. Так он раньше тоже никогда не делал, но эта женщина вела себя просто отвратительно. Затем он вынул из своего кармана тряпичную сумку, положил в нее сумочку убитой и все вещи, которые лежали у нее в карманах. Мобильник он тоже забрал, но вынул из него сим-карту: было бы глупо дать себя обнаружить по ней.

Еще несколько секунд он с упреком смотрел в безжизненные глаза своей жертвы, а потом вышел из квартиры, закрыл дверь на ключ и быстро ушел прочь от этого дома.

Убийца без труда добрался до своего убежища на площади Кампо-де-ла-Лана. Он был уверен, что находится в безопасности. Теперь он должен был бы перейти к величайшему наслаждению – к последней части ритуала. Он вынул бы из сумки все вещицы, которые в ней лежат, разложил бы их в строго определенном порядке на белоснежной надушенной простыне, а потом рассматривал и трогал их. И настоящий экстаз он испытывал, когда открывал бумажник, полный листков и фотографий. Он был убежден, что у женщин есть особенный дар – создавать в кошельке короткую историю своей жизни.

Но боль в ребрах была невыносимой. Пришлось отложить просмотр вещей на будущее и заняться самолечением с помощью льда и обезболивающих лекарств.

Он положил сумку в шкаф и, ужасно разочарованный, лег в кровать.

Приступы боли и плохое настроение не давали ему заснуть. Он был раздражен и, по мере того как проходил час за часом, начинал чувствовать любопытство. Кто такая эта сумасшедшая истеричка, которую свел с ним случай?

Он мог бы засунуть руки в сумку Legend, но боялся разрушить волшебство любования вещами. Вместо этого он включил радио и стал слушать утренний выпуск новостей. Ни слова об убийстве в Венеции. Значит, труп еще не обнаружен. Это разочаровало убийцу. Он понимал: ожидание постепенно лишает его возможности контролировать ситуацию. Попытался отвлечься, но думал лишь о том, когда будет следующий выпуск новостей. Ни слова не было даже в последнем выпуске радионовостей за эту ночь. Об убийстве не сообщили ни на следующий день, ни на третий.

В прежних случаях избранниц находили через несколько часов, и он всегда бывал доволен внешним видом своих жертв. Теперь же мысль о разлагающемся теле беспокоила и тревожила его. Его ритуал требовал, чтобы полицейские фотографии обессмертили тело в том состоянии, в котором он его оставил, и с тем же выражением лица. Тело не должно быть искажено действием гнилостных бактерий – бациллы путрификус и ее ужасных сестер.

На четвертый день он решил пораскинуть мозгами, как сделать, чтобы мир узнал о его преступлении. Про анонимные письма или телефонные звонки нечего было и думать: звонить или писать значило бы оставить улики для следователей, которые уже много лет охотятся на него. Все внимательно обдумав, он пришел к выводу, что единственный подходящий способ – вернуться в квартиру и открыть дверь, чтобы вызвать подозрение у соседей. Зловоние мертвого тела заставит их вызвать полицию.

Это было опаснее, чем звонок или письмо, но больше заводило его. Он был уверен, что угроза, которой он подвергнет себя, вставляя ключ в замочную скважину, открывая дверь и бросая взгляд на труп, пробудит волшебство, и, вернувшись в убежище, он наконец сможет насладиться исследованием сумки.

На пятый день он не делал ничего – обострилась боль в ребрах. Весь этот день он, отупев от обезболивающих, лежал в постели и смотрел телевизор.

Но на шестой день ему стало лучше. В тот же вечер, выяснив, что ситуация не изменилась, он приготовился действовать. Отыскал в сумке Legend ключи, но не стал трогать остальные лежавшие в ней вещи и вышел на улицу. Стараясь избежать новых приступов боли, он слегка наклонялся вбок, как будто был старше на двадцать лет и страдал от артроза. Но в сущности, это было неплохо. Если кто-то его увидит, то запомнит человека со странной походкой, а ребра скоро заживут, и в итоге эта примета введет в заблуждение следователей. Так же, как борода: он отращивал бороду перед каждым преступлением, а потом сбривал.

Он зашел в аптеку и купил мятный бальзам от простуды, чтобы позже смочить себе ноздри: ему не хотелось, чтобы его вырвало перед трупом этой суки.

Убийца двигался согласно ориентирам, которые отметил на мобильнике: Академия, Сан-Марко, Риальто, Сан-Лио, площадь Санта-Мария Формоза – и в итоге снова оказался возле больницы Оспedale. Это был длинный и извилистый путь, на первый взгляд бессмысленный. На самом же деле ему нужно было взбодрить свое тело после долгих дней, проведенных в постели. Движение и морской воздух должны были помочь ему думать. Он опасался, что обезболивающие препараты затуманили его сознание и ослабили способность рассуждать.

Войдя в замкнутый двор, он спрятался в тени и внимательно осмотрел двери и окна: нет ли признаков опасности. Затем он подошел к той двери и открыл ее. Никаких неприятных запахов он не почувствовал и решил, что уловка с бальзамом помогла.

Он закрыл за собой дверь, включил фонарь, направил его луч на пол, туда, где лежал труп, – и от ужаса почувствовал спазм в желудке: там ничего не было. Он зажег свет и обнаружил, что комната пуста. Ни трупа, ни мебели, ни картин на стенах, и похоже, что стены недавно покрашены заново. Нет даже той ужасной подставки для зонтов.

Убийца убедился, что попал в ловушку, решил, что погиб. Сейчас его арестуют. Он поднял руки, показывая, что сдается, и долго стоял так, замерев от ужаса. Но вокруг было тихо, и он понял, что в доме никого нет. Вероятно, его ждут снаружи.

Однако он был не в силах справиться с охватившим его любопытством и решил осмотреть остальные комнаты. С отчаянно бьющимся сердцем он зажег свет в обеих спальнях, на кухне, в ванной. Ничего. Даже ни одной пылинки. Только сильный запах краски.

В страхе и смятении он вернулся назад и, уже опуская ладонь на ручку двери, краем глаза заметил крошечный мигающий красный огонек. Присмотревшись внимательнее, увидел маленькую модель гондолы на краю деревянного ящичка, в котором помещался электросчетчик. Он осторожно взял модель в руки и спросил себя, почему забытым оказался именно этот предмет, такой символический для этого города. Но через несколько секунд понял, что держит в руках миниатюрную Wi-Fi телекамеру. Кто-то наблюдает за ним и теперь знает его в лицо!

Он громко закричал от ярости, изумления и горя. Вопя как одержимый и размахивая гондолой над головой, он выскочил из дома и приготовился к встрече с полицейскими, которые, несомненно, его ждали. Но двор был пуст, никто не пытался остановить убийцу. Он пробежал около ста метров, потом резко остановился, потому что перехватило дыхание и ослабли ноги. Его захлестнули тревога, тоска и ужас, такие сильные, что ему казалось, будто он стремительно падает в темную как ночь бездонную пропасть. То, что он так любил, благодаря чему пережил незабываемые минуты, стало враждебным и опасным.

Глава 1

Венеция. Фондамента-Сан-Джоббе, Рио-Тера-де-ла-Креа, через несколько дней

Пьетро Самбо, бывший комиссар полиции, протянул руку за зажигалкой и сигаретами, которые лежали на ночном столике. Он проснулся уже давно и с трудом дождался семи часов – времени, когда привык выкуривать первую утреннюю сигарету.

Его жена Изабелла терпеть не могла запах табачного дыма в спальне. Но теперь это не было проблемой: уже больше года прошло с тех пор, как она покинула его и забрала с собой их одиннадцатилетнюю дочь Беатриче. Это произошло после того, как Пьетро был с позором уволен из полиции за то, что в первый и последний раз в своей жизни получил взятку. Он никогда не был продажным, а эти деньги взял, чтобы органы правопорядка не закрыли игорный зал, два раза в неделю работавший по ночам в задних комнатах одного знаменитого в восьмидесятые годы ресторана. Франка Леони, жена владельца этого ресторана, была одноклассницей Самбо в лицее Фоскарини и первой девушкой, с которой у него был секс. Через много лет они снова нашли друг друга, встретились и опять вместе кувыркались на простынях, хотя он был уже женат, а она замужем. Любовный пыл вернулся ненадолго, но, когда позже Франка напомнила комиссару о себе и попросила его о помощи, он не смог ответить «нет». И принял от нее деньги потому, что не желал, чтобы муж Франки догадался об их прежней любовной связи. Тогда взять эти деньги не казалось ему серьезной провинностью: многие коллеги защищали кого-нибудь под предлогом, что это их информатор.

Но в тайный игорный дом зашли карабинеры, которые выслеживали одного среднего уровня торговца наркотиками. Они сразу поняли, что синьора Леони – слабое звено в семейной шайке.

Франке понадобилось всего несколько минут, чтобы понять, что иногда предательство бывает выгодным. Она рассказала все, до мельчайших подробностей. Пыталась оправдаться, утверждая, что незаконные доходы шли на покрытие долгов ресторана, но страх перед тюрьмой заставил ее выдать даже бывшего одноклассника и любовника.

Коррумпированный сыщик стал лакомым куском для следователей, и все набросились на него. Пока он находился в тюрьме, о его связи с Франкой Леони напечатали в газетах. Законная супруга посчитала, что муж ее предал, и не выдержала этого позора. Даже дочь не смогла удержать их вместе: слишком громкой оказалась эта история, слишком много было разговоров и взглядов.

Венеция не подходит для людей, о которых все говорят. В этом городе нет автомобилей, люди ходят пешком, встречаются друг друга, начинают разговор, комментируют новости, вышивают по ним узоры, как по канве, с мастерством, которое отточено веками.

Изабелла рассталась с ним и вместе с Беатриче переехала в Тревизо. Она желала забыть прошлое и построить новую нормальную жизнь, в которой ей не будет нужно опускать глаза от стыда.

А Самбо остался в Венеции. Остался, чтобы полностью заплатить за ошибку, которая сломала ему жизнь. В отличие от жены он никогда не отводил глаза в сторону и кивал в ответ тем, кто смотрел на него сурово, как положено глядеть на виновного. Он раскаивался, он был готов отдать что угодно, чтобы вернуться назад, но прошлое нельзя изменить. Он смирился с тем, что должен жить дальше с клеймом продажного полицейского.

У него остался дом, в котором он жил с семьей. На жизнь он зарабатывал тем, что помогал своему младшему брату Туллио, у которого был маленький магазин венецианских масок. Три раза в неделю во второй половине дня Самбо улыбался иностранцам, которые непрерывным потоком заполняли эти сорок квадратных метров. Иногда ему приходилось повышать на них

голос, когда надо было закрыть дверь на задвижку. Он умел вызвать к себе уважение. За годы службы в полиции он научился говорить с людьми так, что ставил на место и злых, и добрых. Все они в одинаковой степени умели быть неприятными и назойливыми.

Такие демонстрации силы он позволял себе только по отношению к туристам. Перед своей Венецией, в которой родился и вырос, он всегда стоял с видом побитого пса. Словно бродил с поднятыми руками по ее улицам и площадям, прося о прощении.

Самбо сел в кровати и стал взглядом искать на полу тапочки. Когда он начал чистить зубы, из желудка брызнула вверх по пищеводу струя кислого сока, которая напомнила Самбо о побочных эффектах наказания, которое он отбывал.

Закону было достаточно отправить его на несколько месяцев в тюрьму и снять с него погоны, но совесть приговорила его к каторге.

В Италии политики, администраторы, промышленники и крупные финансисты доказали, что в неприятностях с законом нет ничего плохого. Даже наоборот. Они выставляли напоказ «преследования» со стороны судебной власти, как медали.

Пьетро Самбо не мог вынести того, что он больше не полицейский. Он был создан для работы в полиции – смелый, добросовестный, наделенный чутьем, которое указывало ему верный след. Благодаря этим качествам он сделал карьеру в бригаде по расследованию убийств, затем возглавил этот отдел и оставался его главой, вызывавшим страх и уважение, пока не был смыт грязной волной.

Он оделся (нарочно сделал это медленно), вынул из ведра мешок с мусором и пошел прямым путем в бар «Чоди» возле моста Трех арок, чтобы, как обычно, выпить кофе и съесть кусок торта, приготовленного вдовой Джанезин, которая управляла этим баром с незапамятных времен.

Она знала бывшего комиссара с тех пор, когда он был еще ребенком, и прекратила возникший было скандал короткой фразой на чистом венецианском диалекте: «Здесь бывший всегда будет желанным гостем». И никогда не задавала ему вопросов. Вела себя с Самбо как обычно и следила, чтобы другие посетители не ставили его в неловкое положение.

Покупая местную ежедневную газету, он заметил человека, который рассматривал витрину маленькой пекарни. Самбо раньше никогда не видел этого мужчину в своем квартале. Это мог быть иностранец, но Самбо в этом сомневался: ни один человек, находясь в здравом уме, не стал бы с интересом рассматривать эту жалкую выставку выпечки. Бывший полицейский посчитал его подозрительным и продолжил свой путь с неприятным чувством, что этот тип следит именно за ним. И оказался прав. Примерно через сто метров Самбо зашел в табачную лавку купить себе запас сигарет на день, а выйдя оттуда, увидел незнакомца перед антикварной лавкой.

Он явно был похож не на человека, который работает за письменным столом, а на того, для которого родная стихия – улица.

Самбо выбросил пакет и зажег сигарету, а потом пошел прямо к тому человеку. Тот не побежал и не попытался применить какой-нибудь отвлекающий прием. Он просто ждал Самбо и дерзко улыбался.

– Добрый день, – произнес бывший сыщик.

– И вам добрый день, синьор Пьетро, – ответил незнакомец на приветствие. У него был сильный испанский акцент.

Этот человек без всякого труда дал понять, что знает Самбо и что эта встреча не случайна.

– Теперь я должен был бы спросить вас, почему вы так неловко преследуете меня, – сказал Самбо.

Иностранец усмехнулся и ответил:

– Обычно у меня это получается намного лучше. – Затем он указал рукой на улицу и добавил: – Я хотел бы иметь удовольствие угостить вас завтраком – разумеется, в баре «Чоди».

– Я вижу, что вам известны многие подробности моей повседневной жизни, – заметил бывший комиссар, сердясь на себя за то, что не заметил признаков слежки в предыдущие дни. – С каких же пор вы за мной следите?

Иностранец ответил уклончиво:

– Мы хорошо знаем вас, синьор Пьетро. Лучше, чем вы можете себе представить.

– Вы употребили множественное число. Кто – вы?

– Меня зовут Сесар, – ответил иностранец, вежливо беря Самбо под руку. – Я хотел бы устроить вам встречу с одним человеком.

Когда они вошли в бар, вдова Джанезин бросила полный недоверия взгляд на не знакомого ей спутника ее приятеля. Пьетро подошел к прилавку и поцеловал хозяйку в знак приветствия. Испанец же направился к столику, где сидел человек, читавший газету «Монд» и медленно пивший кофе эспрессо.

– Это друзья? – спросила хозяйка у бывшего комиссара.

– Не знаю, – ответил он. – Но скоро буду это знать.

Человек за столиком сложил газету, встал, пожал руку Пьетро и представился: «Матис». Он был старше своего товарища: коротко подстриженные волосы Матиса были седыми. Очки в легкой оправе, которые он носил, подчеркивали размер и цвет его больших голубых глаз. Матис был не очень высоким, коренастым, и у него намечался живот. Пьетро подумал, что этот человек похож на военного.

Бывший комиссар принял предложение сесть, и вдова принесла ему капучино и торт. Тот, кто назвал себя Сесаром, заказал стакан теплого молока. Самбо ковырнул вилкой торт и нервным движением положил в рот отломанный кусок. Он начал уставать от всех этих загадок.

– Итальянец, француз и испанец. Что это – шутка?

Его собеседники переглянулись, а потом тот, который назвал себя Матисом, произнес слова, которых Пьетро никак не ожидал.

– Мы хотим поручить вам расследование, – вот что он сказал.

– Я уже не служу в полиции, и я не частный сыщик.

– Я уже говорил вам, что мы хорошо вас знаем, – вмешался Сесар.

– Тогда зачем вам нужен полицейский-взяточник? – вызывающе спросил Самбо.

– Не будьте так суровы к себе, – возразил француз. – Вы ошиблись и дорого за это заплатили, но вы не испорчены.

– А что знаете об этом вы?

Иностранцы уклонились от ответа, задав Самбо свой вопрос: не желает ли он ознакомиться с делом, которое они желают ему предложить?

– Мне также хотелось бы узнать, кто вы и как вышли на меня.

– В данный момент это невозможно, – заявил испанец.

– Будем двигаться по одному шагу зараз, – добавил Матис.

Самбо занялся своим завтраком, думая при этом, что жизнь способна постоянно подбрасывать человеку неожиданности. От этих двоих сильно пахло секретными службами. Раз эти люди старались привлечь его к участию в своих делах, значит, у них случилась беда. Вероятно, им нужен опытный следователь, хорошо знающий местность. Нужен потому, что они не могут обратиться за помощью к силам правопорядка.

– Мы можем хорошо вам заплатить, – сказал испанец.

– Я думаю, вы щедры потому, что дело, которое мне предлагаете, незаконно и опасно.

– Нужно расследовать убийство, – ответил француз.

– Кто жертва? И как это произошло? – с удивлением спросил Пьетро. – В Венеции уже давно никого не убивали.

Его собеседники молчали, не зная, отвечать или нет. Решение принял Сесар. Убедившись, что никто из других посетителей бара не интересуется их разговором, он сказал:

– Нашу подругу задушили примерно десять дней назад, и об этом преступлении не было объявлено по причинам, которые мы сейчас не можем назвать.

Самбо был ошеломлен.

– Вы хотите сказать, что где-то там, – он указал рукой на улицу, – лежит разлагающийся труп и ждет, чтобы его обнаружили?

– Нет. Тут другая ситуация, – ответил француз. – Нам нужен специалист из убийного отдела потому, что мы не желаем, чтобы убийца остался безнаказанным.

Пьетро вставил в рот сигарету, но не зажег ее, и добавил:

– Не знаю почему, но мне кажется, что это должно быть не обычное наказание по закону.

– Вы правы, – ответил Матис. – Он должен умереть как собака.

Бывший комиссар развел руками и раздраженно сказал:

– Вы понимаете, что говорите? Вы предлагаете мне вести неразрешенное расследование, чтобы найти виновного, который будет осужден на смерть!

– Найти убийцу, – уточнил француз.

– В нашей стране смертная казнь давно отменена.

– Убитая женщина была особенным человеком. Она была нам дорога, – ответил Сесар.

– Мне жаль, но это не заставит меня изменить мнение, – сказал Самбо.

– Мы просим вас только взглянуть на материалы дела, – вмешался Матис. – Если вы не хотите нам помочь, то, может быть, будете в состоянии дать совет.

Пьетро Самбо был в растерянности. Рассказ этих двоих звучал нелепо. Но, вероятно, они говорили правду: не было никаких оснований предполагать иное. К тому же сегодня у него не было более важных дел.

Они приехали на катере в Джудекку, вышли из него на Сакка-Физола и пошли вглубь этого острова через Фондамента-Беата-Джулиана. Через несколько минут они оказались на улице Лоренцетти, вошли в многоквартирный дом, населенный пенсионерами и студентами и нуждавшийся в срочной реставрации. Ветхий лифт поднял их на третий, самый верхний, этаж.

Первой подробностью, которую заметил Пьетро, были бронированная дверь и кодовый замок последнего поколения. Он знал лишь двух воров, способных взломать такой замок, и оба уже давно были в тюрьме.

– Мы не хотим рисковать, – объяснил француз, заметив любопытство в его взгляде.

Они пошли по длинному узкому коридору, который выглядел еще мрачнее из-за пахнущих плесенью зеленых обоев.

Последняя комната была совершенно темной. Когда зажегся свет, Пьетро увидел перед своими глазами стену, увешанную фотографиями. Он сразу понял, что это снимки с места преступления и что сделал их человек, знакомый с методами полицейской экспертизы. Бывший комиссар начал изучать их один за другим. Женщина в возрасте от тридцати пяти до сорока лет лежит на полу, глаза выпучены, руки раскинуты в стороны, рядом валяется опрокинутая подставка для зонтов. Подол платья не поднят, и тем более оно не порвано. Вероятно, сексуальное насилие можно исключить.

– Ее задушили, верно? – спросил бывший комиссар.

– Да, – одновременно ответили оба товарища убитой.

– Вскрытие было?

– Нет.

– Тогда почему вы уверены, что она умерла от удушья? – спросил Пьетро, хотя уже знал ответ.

– У нас есть некоторый опыт, – со вздохом сказал француз.

Самбо повернулся и взглянул ему в лицо.

– Вы полицейские, солдаты или сотрудники секретных служб. Кто именно?

Сесар покачал головой и ответил:

– Мы можем вам сказать только, что мы в этой истории – положительные персонажи. А злодей тот, кто убил нашу подругу.

– Вы еще ни разу не назвали ее по имени, – заметил Пьетро.

Испанец поморщился и ответил:

– Можете его придумать, если это для вас действительно важно.

– А что с трупом?

– Он в безопасном месте, – ответил Матис. – И в подходящее время будет передан ее семье.

Бывшему комиссару было бы приятно узнать об этих событиях больше и понять, почему о смерти женщины нельзя объявить открыто, но он смирился и ждал, что будет дальше. Эти двое твердо решили молчать, и он не получил бы ответов на вопросы, которые теснились в его уме.

– Я должен был бы осмотреть место преступления, – сказал он.

– Это невозможно, – ответил француз.

Бывший комиссар потерял терпение:

– Вы действительно думаете, что я могу расследовать дело без углубленного знания о нем?

– Нам известно, кто убийца, – заявил Сесар.

– Мы знаем его лицо, но не знаем, кто он, – пояснил его товарищ. – Поэтому нам нужен местный помощник.

Испанец протянул руку к компьютерной мыши. На экране компьютера появились открывающаяся дверь и луч искусственного света, осветивший участок пола.

Внезапно зажглась люстра, и стал виден профиль мужчины, который осматривал комнату с плохо скрытым изумлением. На мужчине были темная одежда, перчатки из латекса и ботинки на резиновой подошве. Рост его был примерно метр восемьдесят, он был стройным, двигался легко и быстро. Он вошел в другую комнату и исчез там на пару минут, потом снова прошел перед телекамерой, направляясь к входной двери, и вдруг повернулся лицом к объективу. А затем подошел к камере, и несколько секунд его лицо было видно на экране крупным планом.

Темно-русая борода, густая, но ухоженная, окружала лицо с правильными, почти лишенными индивидуальности чертами. Взгляд серых глаз был чувственным даже в эту тревожную минуту. Оттенок серого был редкий, и Самбо подумал, что это облегчит им охоту, но одновременно вспомнил и народную поговорку о том, что сероглазым всегда везет.

Лицо мужчины исказилось от бешенства. Хотя запись была немая, не оставалось сомнений, что он кричал. После этого изображение стало расплывчатым и запись прервалась.

– По тем вашим словам я предположил, что увижу съемку убийства.

– Это видео было снято после обнаружения трупа и выноса его из квартиры, – объяснил Сесар.

– Почему вы уверены, что этот человек – убийца?

– Потому что у него были ключи от квартиры жертвы.

– А почему вы думали, что преступник вернется на место преступления?

Матис вздохнул и положил ладонь на руку Пьетро, показывая, чтобы тот сел на стул.

– Когда мы обнаружили нашу подругу мертвой, – начал он рассказывать, – мы убедили себя, что виновники ее смерти – враги, против которых мы сражались уже давно. Мы унесли тело и опустошили дом, чтобы они не смогли, вернувшись, завладеть материалами, которые дали бы им важные сведения о нашей деятельности или подсказали, как устроить для нас

засаду. Мы установили там телекамеру и были очень удивлены, когда увидели, как этот человек входит в дверь. Мы уверены, что он не имеет ничего общего с нашими противниками.

– Он профессиональный убийца?

Француз покачал головой и ответил:

– Нет, киллер бы действовал быстрее и эффективней.

Испанец встал и подошел к фотографиям на стене.

– Матис прав. Здесь ясно видны следы борьбы, – сказал он, указывая на следы на стенах и полу, царапины на кончиках туфель жертвы и синяки на ее ногах. – Она умела защищаться и дорого продала свою жизнь. Мы полагаем, что убийца был без оружия, хотел изнасиловать ее, но это плохо закончилось. Все произошло в этой комнате, и он убежал с сумкой, которую мы обязательно должны вернуть.

Пьетро Самбо задумался. В Венеции еще никогда не было отмечено такое преступление. Красть что-либо у иностранок тоже стали редко. Самбо по очереди представил себе всех ранее судимых местных жителей, но знал их так хорошо, что мог с уверенностью исключить этот след. И тут у него мороз пробежал по коже: Пьетро вспомнил, что слышал о похожем почерке преступления. В его голове закружились в беспорядке части картины того преступления – место нападения, тип жертвы, способ убийства, кража сумки. Он внезапно вспомнил информацию из доклада, который был прочитан на курсах повышения квалификации, проведенных Интерполом в Брюсселе.

Пьетро вскочил со стула, взял в руку компьютерную мышь и вывел на экран крупный план убийцы.

Сесар тоже встал и с изумлением спросил:

– Вы его узнали?

Бывший комиссар указал на лицо, смотревшее с экрана, и ответил:

– Мать твою, это он! Не могу поверить!

– Кто – он?! – сердито спросил Сесар, торопя Самбо с ответом.

Но бывший полицейский был так ошеломлен, что лишь через несколько секунд смог ответить:

– Турист.

Глава 2

Тому, кого прозвали Турист, в сущности, было почти приятно, что его так называют. Это значило, что полицейские, которые гоняются за ним, не знают ни одной детали, которая помогла бы установить, кто он. Первым дал ему это имя следователь из австрийской уголовной полиции. Расследуя убийство некоей Сабины Ланг, этот человек понял, что произошли еще два преступления с таким же почерком, и оба в городах, посмотреть которые приезжают толпы путешественников: одно в Дублине, другое в Севилье.

По словам журналиста из «Кронен цайтунг», следователь воскликнул: «Да это какой-то проклятый турист!»

И с этого дня Турист, согласно руководству по классификации преступлений, разработанному в ФБР, считался серийным убийцей, то есть преступником, «совершившим три или более убийств в трех или более разных местах, причем убийства разделены отрезками времени».

Туристу не понравилось, что ему дали такую грубую и заурядную характеристику. Он никогда не считал себя человеком, принадлежащим к определенному типу преступников. Турист с трудом смирился с этой мыслью. Он прекратил свои «путешествия» и принялся сосредоточенно читать скучнейшие сочинения психиатров и профайлеров, жуткие биографии серийных убийц и даже художественные романы и книги, по которым сняли кинофильмы и телесериалы. В итоге он пришел к заключению, что иногда поступал очень плохо, но ничего не мог с этим сделать.

Не существовало терапии, которая могла бы его вылечить. После десятилетий неудачных экспериментов психиатры сделали вывод, что преступников-психопатов нужно сажать под замок до конца жизни или приговаривать к смерти, если закон это позволяет.

Книги помогли Туристу разобраться в себе, но не вызвали у него ни страха за себя, ни ужаса перед его преступлениями. Такие люди, как он, совершенно не способны испытывать чувство вины, угрызения совести, тревогу или страх.

Импульсивный выбор жертвы и способ нападения на нее – чистейшая концентрация риска и опасности – тоже были характерными особенностями его личности, которые старательно изучили эти умники. Для них это был «дефицит поведенческого контроля», но для него – что-то волшебное, не поддающееся определению.

Он стал терпеливо создавать себе «нормальную» жизнь, чтобы иметь возможность жить в тех городах, где хотел убивать. Такое прикрытие позволяло ему вести себя как настоящему туристу.

Вооружившись путеводителем, он осматривал памятники, музеи и самые типичные кварталы города. Иногда случалось, что в это время он случайно замечал женщину – вернее, взлеты подола развевающейся юбки, особенность чулка, форму каблука – и начинал испытывать к ней некоторый интерес. Если ему нравилась ее сумочка, он переходил к слежке.

В большинстве случаев он напрасно тратил время. Но случалось, что его долгие утомительные старания вознаграждались: девушка или молодая женщина останавливалась перед дверью, доставала ключи и вставляла один из них в замочную скважину, давая Туристу возможность перейти к действиям. Один толчок – и его избранница оказывалась на полу. Турист закрывал дверь, сжимал шею женщины руками, давал себе достаточно времени, чтобы испытать наслаждение, а после этого уходил со своей добычей.

О том, что он уносил сумки, никогда не упоминали в печати. Это был обычный прием следователей – скрывать по меньшей мере одну деталь поведения серийного убийцы, чтобы избежать возможных подражателей или бездельников, которые хвастаются, выдавая себя за него.

Турист хорошо знал, что те, кто расследует его преступления, считают его фетишистом. Он признавался самому себе, что эти люди правы, и при этом не испытывал ни сложностей, ни трудностей. Но они были уверены, что он хранит сумочки, вещицы из них или их части. Вот тут они допускали грубую ошибку. Он пусть и с большим сожалением, но всегда избавлялся от своей добычи, потому что не имел никакого желания закончить свои дни в тюремной камере.

Он многому научился у своих врагов. Первое правило – не совершать поступков, из-за которых его снова включают в список для наблюдения как психопата. И он применял весь свой природный дар психопата лгать, изворачиваться и манипулировать людьми, чтобы выглядеть для всех приличным человеком, спокойным, сдержанным, имеющим хорошую работу, аккуратно исполняющим свои гражданские обязанности и вовремя платящим налоги. Самым трудным было научиться изображать сочувствие к другим, делать вид, что он способен на эмоции. Наконец он стал делать это почти идеально. Это произошло, когда Турист понял, что играть чужими чувствами может быть забавно. Он даже выбрал себе профессию, которая имела отношение к чувствам, красоте и артистическому вдохновению, чтобы полнее наслаждаться удовольствием, которое испытывал при виде людей, так сильно опутанных его ложью.

Безнаказанность уже давно убедила Туриста, что традиционные методы расследования неэффективны, когда их применяют, чтобы поймать его. Он жил спокойной жизнью серийного убийцы, пока не приехал посмотреть на один из прекраснейших городов мира – Венецию.

На самом же деле эта поездка стала для него обязательной после того, как в 2010 году на экраны вышел фильм под названием «Турист», в котором действие происходило именно в этом городе. Сюжет не имел ничего общего с его охотой на женщин, но единственный настоящий Турист – это он, и убийство в его фирменном стиле должно было это подтвердить.

Но все пошло не так. Начиная с избранницы: он выбрал ту, которая попыталась убить его голыми руками. На его счастье, плохой вкус этой женщины подсказал ей украсить вход в дом ужасной металлической подставкой для зонтов, и эта подставка помогла ему одолеть женщину.

Но главной проблемой была телекамера, замаскированная под гондолу. Теперь кому-то известно, кто такой Турист.

На последнем ночном поезде он сбежал из Венеции в Париж, а оттуда на самолете вернулся домой.

После возвращения Турист несколько дней с беспокойством ждал, что к нему ворвется полиция, но это был иррациональный страх, вызванный досадой на себя: Турист был недоволен тем, что не в состоянии контролировать ситуацию. А на самом деле, сбрив бороду и сняв контактные линзы, изменявшие цвет его глаз на восхитительный серый, он стал другим человеком, и его было почти невозможно узнать. Он не оставил ни отпечатков, ни генетических следов и вполне обоснованно мог чувствовать себя в безопасности.

В безопасности от полиции, но не от тех, кто унес труп и опустошил квартиру. Теперь Туристу было ясно, что избранница, вероятно, была замешана в каком-то темном деле. Этим объяснялось и ее умение бороться. Он пришел к выводу, что перешел дорогу хорошо организованной банде, и, хотя не имел никакого опыта общения с преступниками, был уверен, что эти люди пойдут на все, чтобы отомстить ему. А хорошо известно, что у злодеев в распоряжении есть больше средств, чем у сил охраны порядка. Одно дело носить униформу заключенного, и совсем другое – висеть на крюке мясника. Такой конец совершенно не входил в планы Туриста. Он обязательно должен выяснить, кто они такие, чтобы придумать, как избавиться от грядущей опасности.

В таком настроении Турист начал доставать из сумочки лежавшие в ней вещицы и раскладывать их на ослепительно-белой, надушенной лавандой простыне, которой была накрыта кровать в его супружеской спальне.

На заднем плане пианино знаменитой китайской исполнительницы Ван Юйцзя под аккомпанемент оркестра Тонхалле из Цюриха прославляло гений Равеля. Под рукой у Туриста был бокал с дорогим эльзасским мускатом.

Его жена Ильза ушла ночевать к любимой подруге и должна была вернуться только на следующий день. Так она поступала каждый раз, когда они ссорились, и с недавнего времени причина ссоры была одна и та же – желание Ильзы зачать сына. Ей недавно исполнилось тридцать шесть, и она горячо желала иметь ребенка. А Турист этого не хотел. Это был явный риск произвести на свет такого же, как он, психопата, который создаст для него проблемы и может подвергнуть его опасности. Подростковые годы самого Туриста были рядом необдуманных поступков, которые не имели последствий и уж конечно не оставили следа в его новой жизни только благодаря деньгам матери. Эти деньги обеспечили ему защиту дорогостоящих и умелых адвокатов и, что важнее всего, помогли переехать в другую страну и сменить гражданство.

Турист вздохнул. Он всеми возможными способами пытался разубедить супругу. В сущности, ему уже сорок три года – неподходящий возраст, чтобы становиться отцом. Но она не собиралась сдаваться. К тому же подруги и родители были полностью на ее стороне. Он снова пообещал себе, что найдет решение этого вопроса, как только разберется с бандой преступников.

Он, хотя и не без труда, отогнал от себя эту неприятную мысль. Сейчас у него было время, чтобы войти в жизнь избранницы, и ничто в мире не должно было испортить ему этот момент.

Он начал с косметички: понюхал ее, ощупал. Потом для развлечения поиграл с губной помадой, хотя решил, что вкусы женщины в области макияжа были слишком обыкновенными. Однако духи во флаконе, который он обнаружил, были высокого класса. Возможно, их ей подарили, подумал Турист, опрыскивая духами ее остальные вещи. Он обнаружил плитку шоколада марки «Клюизель» и два энергетических батончика на основе мюсли. Эти сладости он отложил для Ильзы, которая их очень любила. Будет еще один «милый» поступок, без которых он не мог обойтись, раз должен казаться нормальным.

Кошелек его удивил. Он был испанский, кустарной работы, кожаный, табачного цвета. Такие стоят дешево и лежат на прилавках всей Европы. Такая вещь ни в коем случае не должна была оказаться в сумочке от Александра Маккуина. Туристу стало любопытно, и он открыл кошелек. Никаких банковских или кредитных карточек. Деньги – 1750 евро в банкнотах и еще почти шесть мелочью. Бельгийский паспорт на имя Морганы Карлье, родившейся в Намюре сорок один год назад. Турист посмотрел на фотографию. Она была сделана недавно, и у избранницы было непонятное выражение лица: улыбка на губах противоречила грустному и суровому взгляду.

Этот кошелек не только был грубым, но и опечалил Туриста. Внутри не было никаких настоящего личных вещей – фотографий, записок или любовных писем. Ничего. Турист, злясь и досадуя, стал обшаривать многочисленные отделения кошелька и заметил, что подкладка заднего отделения в одном месте вместо ниток прикреплена клеем. Он оторвал эту подкладку и сразу же увидел, что под ней спрятана фотография.

На ней женщина была гораздо моложе и обнимала высокого белокурого мужчину возле большого лимузина, характерного для того времени. Машина была белой и блестящей. За спиной у влюбленных были ворота церкви, из которой они, несомненно, только что вышли. Снимок был сделан сразу после их свадьбы, поскольку на женщине было свадебное платье, а на мужчине – новый, с иголки темный костюм.

На обороте на свободном месте внутри печати фотомастерской «Шиго и сын», Лимож, авеню Боден, 47, была надпись: «Дамьена и Паскаль Гайяр, 9.9.2001». А под печатью была еще одна надпись, по-французски, сделанная, несомненно, мужским почерком: «Любовь неизлечима».

Турист вспомнил, что избранница, когда он ее душил, несколько раз произнесла какое-то имя. Теперь он подумал, что имя могло быть именно это – Паскаль. Он закрыл глаза, чтобы снова насладиться той минутой, когда его ладони сжимали ее горло, но любопытство заставило его вернуться к действительности.

Значит, женщину звали не Моргана. Она жила по поддельному документу и, вероятно, родилась и выросла в городе фарфора – Лиможе. Турист заметил, что номер у автомобиля был французский, а не бельгийский. Он решил подробнее разобраться в этом, перешел в кабинет и сел за компьютер. Из статьи в Википедии он узнал, что лимузин, несомненно, был зарегистрирован в то время, когда на номере машины еще указывали, в каком департаменте она зарегистрирована. А номер 87 указывал на департамент Верхняя Вьенна, главный город которого Лимож. Турист стал искать фотографии церквей, стоящих в центре этого города, и без труда выяснил, что на фотографии видна церковь Сен-Мишель-де-Льон – Святого Михаила со львами¹.

В его голове стало тесно от множества вопросов. Чувствуя, как они толпятся, множась, Турист набрал в компьютере «Дамьена Паскаль Гайяр Лимож» – и результат оказался поразительным. Интернет выплюнул на экран список из десятков печатных статей, видео из Ютьюб и фотографий.

Ему было достаточно одного взгляда, чтобы понять: все его предположения были невероятно далеки от действительности.

С помощью программы автоматического перевода, входившей в поисковик, он узнал, что Паскаль Гайяр был молодым судьей. В 8.30 утра 16 января 2012 года он был убит на пороге собственного дома. Два наемных убийцы, мужчина и женщина, вышли из украденного фургона и изрешетили Гайяра пулями крупного калибра. Участники длинной программы французского телевидения с изумлением рассказывали, что Гай-яр не занимался расследованиями, которые могли бы стать причиной такой мести, а Лимож – спокойный город, один из последних во Франции по числу совершенных преступлений, и никто из них не мог найти причину этого убийства.

Дамьена Руссель, жена убитого, тоже не могла понять, за что его расстреляли. На похоронах она с каменным лицом выслушивала соболезнования мэра и председателя суда. Слушала стоя, гордо, одетая в полицейскую униформу.

Но самым удивительным в этой истории было то, что 11 марта 2014 года автомобиль «рено-клио», принадлежавший этой женщине, был найден на набережной реки Вьенны, в десяти километрах от Лиможа. Внутри, на пассажирском сиденье, лежали сумка и куртка Дамьены. На приборной доске коллеги вдовы обнаружили ее полицейский значок и рядом с ним – остальные документы.

Водолазы много дней вели поиски в реке, но безрезультатно. В итоге все убедили себя, что Дамьена не выдержала горя, причиненного убийством ее любимого Паскаля, и покончила с собой.

Турист подумал, что случай сыграл с ним поистине дьявольскую шутку, когда заставил его судьбу и судьбу Дамьены пересечься в прекрасной Венеции. Теперь он был полностью уверен, чем гордился, что нарушил ход какого-то секретного расследования. Совершенно ясно, что его избранница сыграла роль самоубийцы не для того, чтобы просто начать новую жизнь. Логично предположить, что она вступила в какое-то тайное подразделение французской разведки – может быть, для того, чтобы охотиться за убийцами мужа.

Теперь Турист чувствовал себя гораздо спокойнее: он разгадал тайну исчезновения трупа. Соратники женщины очистили квартиру потому, что не могли позволить, чтобы сотруд-

---

¹ Речь идет о каменных статуях львов, сохранившихся с эпохи Древнего Рима, которые стоят перед воротами этой церкви. (Здесь и далее примеч. пер.)

ница полиции, которую все считали мертвой, вдруг была обнаружена. И конечно, нет никакого официального расследования. Только агенты, работавшие с женщиной, знают его лицо, причем замаскированное лицо, которое, разумеется, больше никто никогда не увидит.

Турист был уверен, что у секретных служб есть дела поважнее, чем выяснять, кто он такой. Может быть, они даже не поняли, что имеют дело с серийным убийцей. Возможно, они уверены, что женщину убил человек, нанятый какой-нибудь враждующей с ними организацией. Это не значит, что он может расслабиться, но друзья избранницы не так опасны, как банда преступников.

Он вернулся в гостиную, вооружился ножом и вспорол сумку, рассчитывая найти еще какие-нибудь «сюрпризы».

Над ее дном он обнаружил карман, сделанный из приклеенного сверху лоскута кожи. В кармане лежала флешка. Она была защищена паролем, но Турист отгадал его почти сразу, соединив имя любимого муженька и дату свадьбы. На флешке были записаны около тридцати фотографий с одним и тем же действующим лицом, которое входило в венецианский дворец или выходило из него. Этим лицом была очень красивая женщина лет тридцати пяти со средиземноморскими чертами лица и гордым взглядом сказочной принцессы. Длинные волосы, черные, как вороново крыло, доходили до середины спины. Она была высокой, стройной, элегантной. В руке у нее была стеганая сумочка из лаковой кожи от Moschino. Турист решил, что эта женщина неотразима, и захотел ее.

В первый раз за свою долгую карьеру серийного убийцы Турист изменил способ выбора жертвы. Эти украденные фотографии так взволновали его, что он решил сделать чарующую незнакомку своей следующей избранницей. И начал планировать возвращение в Венецию.

Отпивая маленькими глотками вино из бокала, он думал о том, что Венеция все-таки будет иметь честь похвалиться жертвой Туриста. Мысль о том, что это может быть опасно, лишь слегка коснулась его сознания. Он пару раз сказал себе, что будет внимательным и усилит меры безопасности.

Турист собрал и уничтожил вещи, принадлежавшие Дамьене Руссель – все, кроме сим-карты, которую положил в свой бумажник. С некоторых пор ему хотелось позвонить кому-нибудь из родных жертвы по телефону покойницы. Он еще не решил, сделает ли это, но с большим удовольствием представлял себе, как делает это, когда занимался самоудовлетворением.

Потом он сел в свой автомобиль и поехал выбрасывать остатки вещей в воду Большого канала, впадавшего в порт. Но домой он не вернулся. Вместо этого позвонил своей любовнице Кики Баккер и поехал к ее квартире.

Кики была немецкой журналисткой голландского происхождения. Ей было тридцать девять лет, и она была безумно влюблена в него. О том, что он ведет двойную жизнь, она, разумеется, не знала. Они познакомились в лондонском Альберт-Холле на концерте, которым дирижировала божественная Марин Олсон. Кики получила на этот концерт приглашение от авторитетного немецкого музыкального журнала, а он был просто зрителем. Он улыбнулся ей, когда они стояли в очереди на вход, а потом они случайно встретились в антракте.

– Меня зовут Абель Картагена, – представился он, протягивая ей руку.

Кики была просто счастлива, что этот очаровательный мужчина предложил ей выпить. Он рассказал, что собирается написать биографию композитора Эдуарда Элгара и приехал в Англию собрать материалы для этой книги. Это невероятно, но он живет в том же городе, что и Кики.

В других обстоятельствах она отнеслась бы к его ухаживанию недоверчиво: Кики умела выставить напоказ красоту своего лица – тонкие черты, длинные ресницы и изумрудно-зеленые глаза. Но она знала, что слишком много весит и потому не может выдержать конкуренцию на рынке стандартной красоты.

Картагена сказал ей, что женат и счастлив в браке, но продолжал очаровывать ее и после этого, когда пригласил на ужин. Он смешил Кики, заставлял ее чувствовать, что она важна для него и желанна, а потому Кики пригласила его выпить чего-нибудь в отель, где остановилась. Раньше она никогда так не поступала, боясь унижительного отказа, но Абель был не такой, как другие, и Кики это чувствовала.

Он сумел вывести ее из равновесия уже после первого поцелуя, долгого и страстного.

– Как тебе нравится? – спросил он.

– Извините, не поняла.

– Как тебе нравится заниматься этим – я хочу сказать, сексом, – объяснил он, начиная спускать штаны.

Кики ошеломленно смотрела на него.

– Это так не делается, – наконец смущенно пробормотала она. – Люди встречаются, а потом стараются узнать друг друга и понять вкусы.

Абель улыбнулся и ответил:

– Извини меня, я не хотел тебя обидеть. Но я думаю, что у взрослых людей конкретные разговоры – эффективный способ для начала любовной близости. Я, например, обычно склонен доминировать, мне нравится руководить женщиной, потому что я ясно представляю себе, как занимаются сексом женщины разных типов, понимаешь?

– А я к какому типу принадлежу? – хрипло спросила Кики.

Быстрее, чем это было сказано, она очутилась на кровати, на четвереньках, и Абель овладевал ее телом, крепко сжимая ладонями ее ягодицы. Он оказался умелым любовником и заботился, чтобы ей было приятно.

Потом, когда он одевался, Кики подумала, что сделает все, чтобы его удержать.

Даже на мгновение ей не пришло в голову, что их встреча не была случайной. Абель, Турист, старательно выбрал трех женщин, из которых каждая сейчас не была ни в кого влюблена, жила одна неподалеку от него и имела профессию, которая позволяла ей ездить по миру. Две другие по разным причинам не поддались очарованию его речей и красивой внешности.

Постепенно эта связь стала прочной, и Кики Баккер примирилась с положением любовницы, поскольку понимала, что большего не получит. Но иногда они жили вместе – недолго, зато как настоящая пара. Абель организовывал это, когда должен был уехать в какой-нибудь город для своих *исследований*. Кики снимала квартиру и вселялась в нее. И для них наступало незабываемое время – до тех пор, пока ее любовник не решал переехать от нее потому, что ему нужно работать. Кики много раз пыталась убедить его, что не мешает ему, но Абель тоном не допускающим возражений отвечал:

– Малышка, у меня от тебя кружится голова, и здесь я буду думать только о том, чтобы провести весь день в постели с тобой. А я должен сосредоточиться, чтобы заработать себе на жизнь.

Сейчас Кики стояла в ванной перед зеркалом и старалась быстро смыть маску из алоэ, соды и лимона, которую нанесла на лицо незадолго до того, как Абель сообщил о своем приезде. Это был приятнейший сюрприз для Кики, но она боялась, что не успеет привести себя в порядок. В этом отношении он был требовательным, терпеть не мог небрежностей в ее внешнем виде и просто ненавидел тот уютный домашний халат, в котором ей было так хорошо отдыхать.

Когда раздался звонок, Кики красила губы. Она едва успела опрыскать шею и запястья теми духами, которые он подарил ей на день рождения.

Абель Картагена улыбнулся ей, потом поцеловал в губы и лоб.

– Каждый раз, когда я тебя обнимаю, у меня бьется сердце, – шепнул он в ухо Кики, касаясь губами мочки.

Он знал, что эти слащавые штучки необходимы, когда он имеет дело с Кики: ей были постоянно нужны подтверждения его любви. И он никогда не отказывался от них, потому что эта женщина была незаменима.

– Останешься на ночь?

– Конечно. Для этого я и приехал.

– А твоя жена?

– Ночует у подруги. Мы поссорились, – ответил Абель и солгал: – Она подозревает, что у меня есть любовница.

Кики не смогла скрыть довольного выражения, мелькнувшего на ее лице. Для нее было бы настоящим счастьем, если бы Ильза в порыве ревности бросила Абеля.

Он сделал вид, что не заметил этого. В обычное время Абель сделал бы ей замечание, но сейчас он хотел заняться сексом, и ничто не должно было его отвлекать. Он взял Кики за руку и повел в спальню. Пока он раздевался, Кики вставила диск в дисковод, комнату наполнили звуки «Блаженств» Владимира Мартынова.

Абель понял по музыке, чего в этот вечер желает Кики, вынул из ящика тюбик пахнущего клубникой геля для интимных мест и выдавил большое количество содержимого на пальцы. Кики закрыла глаза и прошептала: «Я люблю тебя, Абель».

На следующее утро, во время завтрака, Абель объявил ей, что должен вернуться в Венецию, чтобы продолжить изучение жизни композитора Бальдассаре Галуппи.

Кики не стала скрывать своего удивления:

– Не понимаю, почему ты хочешь снова тратить время и силы на этого музыканта. Он никогда не был знаменитым, и у него дурная слава.

– Это ты так считаешь, – возразил Турист. – А мой издатель в восторге.

– Это потому, что он не хочет тебя потерять, – возмутилась Кики. – Но эта биография неинтересна для широкой публики.

– Я с тобой не согласен. И в любом случае я очарован этим композитором, – возразил Абель, стараясь придумать убедительную ложь. – Галуппи увлекает меня не только как музыкант, но и как человек. Неудача заставила его покинуть Венецию и переехать в Лондон, там его не поняли, а потом его позвала в Санкт-Петербург императрица Екатерина Вторая...

Кики ничего не ответила и стала намазывать масло и мармелад на поджаренные ломтики хлеба.

– В этот раз я не могу остаться с тобой даже на один день, – пробормотал он.

Вот почему она так злится на старину Бальдассаре! На самом деле Кики недовольна тем, что не может поехать с любимым в Венецию. Абель притворился, что ужасно расстроен, взял Кики за руку, поцеловал ее ладонь и сказал:

– Я уезжаю ненадолго, а пока меня не будет, прошу тебя, найди композитора или музыканта, которого считаешь достойным внимания. Обещаю тебе, что он станет темой моего следующего исследования. Разумеется, выбери красивый и уютный город, где мы сможем какое-то время побыть вместе.

На лице Кики появилась счастливая улыбка.

– Наконец-то ты решил довериться мне!

Абель подумал: в сущности, есть что-то волнующее в том, что Кики займется выбором места, где он развлечется поисками и убийством новой избранницы. И притом ему не придется тратить время на поиски нового хренова музыканта. Ему было все равно, о ком писать, потому что он не был способен воспринимать чувства, которые вызывает музыка. Для Абеля она была только звуками и шумом, но он научился так хорошо притворяться, что пользовался уважением в музыкальных кругах.

– Когда ты собираешься уехать? – спросила Кики.

– Как можно скорей, – ответил Турист. – Хочу закончить это дело и выбросить его из головы.

Кики коснулась рукой его щеки и напомнила:

– Так ты не успеешь отрастить себе бороду – твой талисман на время исследований.

Абель пожал плечами и пошутил:

– Во всем виноват Галуппи.

Он с легкой грустью подумал, что больше не будет носить бороду из-за проклятой телекамеры.

Он долго обдумывал новые возможные способы маскировки, но смог додуматься лишь до очень короткой стрижки. Такая внешность не соответствовала образу мечтателя-музыковеда, который он долго и умело создавал для себя. Но другого выхода не было.

Кики спокойно закончила завтрак и пошла звонить синьоре Кэрол Коули-Бьондани, владелице маленькой квартиры в Венеции. Англичанка Кэрол, вдова состоятельного венецианца, унаследовала после мужа много недвижимости, которую теперь сдавала на короткие сроки по ценам, которые в общем и целом были разумными.

Синьора Кэрол проявила себя любезной и совершенно ненавязчивой хозяйкой. И мечтала о том, что Венеция, чтобы избавиться от слишком больших налогов, которые берет с граждан итальянское государство, отделится от Италии и станет свободным портом. Разговор на эту тему помогал Кэрол требовать с арендаторов плату наличными, хотя это было незаконно.

– Квартира освободится через пару дней, – сообщила Кики Абелю.

– Отлично!

Они простились у двери. Абель спешил уйти, но Кики задержала его и сказала:

– Возвращайся, когда хочешь. Мне нравится спать с тобой.

– Когда смогу, – поправил ее Абель, поцеловал и крепко обнял.

Ильза, наоборот, хотела затеять с ним ссору. Должно быть, она всю ночь говорила со своей подругой о том, какой дерьмовый эгоист ее муж, и довела себя до нужного состояния. Психологически она была готова к бою. Абеля Картагену это не встревожило. Он даже решил, что так лучше: не нужно будет слишком долго объяснять причины возвращения в Италию. Жене были не по душе его долгие отсутствия, хотя она и знала, что они необходимы, иначе им не на что будет жить. Ее зарплаты бухгалтера в небольшой фирме, производившей экологичные моющие средства, не хватило бы на поддержание их с Абелем образа жизни.

– Нам нужно поговорить, Абель, – ледяным тоном начала Ильза.

Он движением ладони остановил ее и ответил:

– Я это знаю: ты раздражаешься, но я тоже раздражен. Я много размышлял о переживаемом нами печальном моменте и думаю, что нашел решение, которое может подойти нам обоим.

Жена недоверчиво взглянула на него и спросила:

– Что ты имеешь в виду?

С сочувственной улыбкой он ответил Ильзе:

– Усыновление.

Ильза от изумления потеряла дар речи. Она широко раскрыла рот, но не смогла произнести ни звука, ни слова.

Она ударила себя по животу раз, потом второй, потом третий, с каждым разом сильнее, и ее глаза наполнились слезами.

– Я своего ребенка хочу, урод, сукин сын, – сказала она наконец.

Абель развел руками.

– Я не думал, что ты такая эгоистка, – ответил он спокойно, но с оттенком горечи. – Я думал, что, спасая несчастного ребенка из третьего мира, мы сможем стать лучше, к тому же

избежим стресса, связанного со сложной беременностью и послеродовой депрессией. Кроме того, не могу не напомнить тебе, что ты старше, чем нужно для первых родов.

Ильза не была готова к такому удару ниже пояса и отказалась продолжать разговор.

– Я соберу сумку и вернусь к Эвелин.

Турист продолжал играть роль огорченного и разочарованного человека.

– Я понимаю, что тебе надо подумать, – сказал он. – Но, может быть, подруга, у которой за всю жизнь никогда не было достойных отношений с женщиной, не самая подходящая советчица для тебя в такую минуту.

Жена сумела только метнуть в него свирепый взгляд, затем вбежала в комнату и снова сложила одежду и белье в сумку, которую только что распаковала.

Абель дождался ее на пороге и попытался обнять, нежно и с отчаянием. Но она уклонилась от его объятий и ушла, хлопнув дверью.

Турист повернулся к большому зеркалу, висевшему возле двери, и повторил сцену прощания сосредоточенно, как актер на генеральной репетиции. А потом пробормотал:

– Ты всегда лучший, Абель.

В его голосе звучало ликование.

Глава 3

Бывший комиссар Пьетро Самбо снял крышку с кастрюльки, старым деревянным половником выловил из нее кусок моллюска и стал медленно жевать, пробуя блюдо. По его мнению, оно было идеально сварено. Может быть, его гостям понравятся эти каракатицы в черном – сваренные в собственных чернилах и поданные с жемчужно-белой кукурузной кашей. В эту пору года у каракатиц особенно нежное мясо, и ловят их всего в нескольких милях от венецианского берега.

Матис и Сесар были первыми, кого он пригласил на обед после того, как его дочь и жена уехали из дома. Ему было слегка не по себе оттого, что этот дом уже не был прежним. Дом казался ему холодным и негостеприимным, и это было еще одним свидетельством его краха. Пьетро знал, что французу и испанцу не важно, как выглядит его квартира, потому что у них на уме совсем другое, и к тому же этот обед можно было устроить только в месте, укрытом от нескромных взглядов, но это ему нисколько не помогало.

На самом же деле Самбо не хотел признаться себе, что этот вечер должен принести ему окончательный ответ в обмен на некоторое количество сведений, которые, несомненно, будут пересмотрены и скорректированы так, как решит он. Они хотят убедить его нарушить закон, а эту черту он больше не намерен был переступать. Он дал себе клятву, что не сделает этого во второй раз.

Звонок раздался раньше назначенного времени. Сесар принес бутылку вина, а Матис сладости. Самбо заметил адрес на листе бумаги, в который было завернуто сладкое. Он понял, что сегодня оба его гостя по какому-то делу ездили на материк, были в Местре и там зашли в одну из лучших кондитерских провинции. Это не могло быть случайностью. Он сделал вывод, что они контактируют еще с одним местным жителем.

В качестве хозяина дома он открыл бутылку белого вина – марцемины от Каза Рома. Гости выпили по бокалу и налили себе по второму. Им не терпелось перейти к делу, но Пьетро еще не был готов к разговору.

– Это вино делают из винограда очень древнего сорта, – объяснил он, чтобы выиграть время. – В восточной части провинции Венето эта лоза была широко распространена в восемнадцатом веке.

Матис остался равнодушным к его словам, а Сесар пожал плечами и сказал:

– Итак, дни идут, и нам нужна твоя помощь.

– А мне нужно знать, кто вы, – заявил Пьетро.

Он повернулся на месте и вышел в кухню, а через несколько минут вернулся, неся каракатиц с кашей.

Матис, наполняя свою тарелку, ответил на его требование:

– Чем меньше ты знаешь, тем лучше. И для тебя, и для нас. Пока мы можем раскрыть тебе необходимый минимум информации. Ты должен довольствоваться этим.

Самбо кивнул и ответил:

– Согласен.

– Мы входим в маленькую группу французских, итальянских и испанских специалистов, которая создана по секретному соглашению между разведками этих стран.

– И эта группа действует подпольно, – договорил Пьетро.

– Да, – подтвердил Матис. – Мы как бы не существуем. Считается, что мы ушли на пенсию или уволились.

– С какой целью? – поторопил его с ответом итальянец.

Ответил Сесар:

– Мы должны вычислять и физически устранять членов тоже подпольной организации, созданной бывшими сотрудниками различных секретных служб, перешедшими на сторону организованной преступности.

– Они охотятся за внедренными агентами, за разведчиками, раскаявшимися преступниками и защищенными свидетелями. И убивают их, – добавил Матис. – Разумеется, они не трогают полицейских, судей и всех, кто стал слишком трудной мишенью для мафиозных организаций.

Бывший комиссар сделал вид, что сосредоточился на поглощении еды, а затем спросил:

– Почему мне кажется, что я уже видел эту историю в кино?

Матис и Сесар переглянулись. Потом испанец обиженно спросил:

– Ты действительно думаешь, что это просто красивый ужастик?

Самбо сердито бросил вилку и нож на тарелку и прошипел:

– С кем вы, по-вашему, говорите? До того, как обмануть себя самого, я был начальником убойного отдела. Я слышал много легенд о секретных службах, но эта звучит слишком грубо.

Француз остановил на Самбо взгляд и долго смотрел на него с довольной улыбкой человека, нашедшего то, что ему подходит.

Эта улыбка раздражала Самбо. Наконец бывший комиссар устал и попросил:

– Прекрати. Это меня бесит.

– Ты был провинциальным сыщиком, – с теми же шипящими нотами в голосе сурово ответил Матис. – Ты был чем-то вроде боксера низшей категории, которому ни разу не пришлось сражаться на достойном упоминания ринге.

Пьетро даже не попытался ответить на этот удар. Он имел дело с преступниками всех уровней, но понимал, о чем говорит француз. Трудность была в том, что отличить правду от слухов и мифов всегда трудно, если имеешь дело со шпионами.

Сесар повел себя более миролюбиво.

– Я тоже был провинциальным полицейским, – признался он. – Потом, против желания, оказался втянут в это дело и должен был сделать выбор.

– И стали убивать плохих людей, – договорил Самбо. В его голосе звучала обида.

– Да, и без угрызений совести, – быстро ответил испанец.

– В том числе здесь, в Венеции, – закончил бывший полицейский.

Матис вздохнул. Наступил самый сложный момент этой встречи, определявший ее исход.

– Ты уверен, что хочешь получить эту информацию? Она касается незаконной деятельности на итальянской территории.

Пьетро стал зажигать сигарету, чтобы выиграть время для попытки отступить и выйти из этой истории, но потом решил идти до конца.

– Да, – ответил он и выдохнул дым в сторону луча света, который отбрасывала люстра.

– Наша коллега, которую, по твоим словам, задушил этот серийный убийца Турист, шла по следам Гиты Мрани, бывшей сотрудницы военной разведки Марокко, и выяснила, что Гита примерно два месяца назад поселилась в Венеции. Мы присоединились к ней и взяли марокканку под наблюдение.

– И что вы обнаружили?

– Ничего. Она сняла квартиру класса люкс в старинном особняке и живет как богатая синьора – шопинг, прогулки, рестораны и театры.

– Может быть, она вышла из игры, – рискнул предположить Самбо.

Оба его собеседника решительно покачали головой.

– Она слишком алчная, жестокая и безжалостная женщина, чтобы уйти из своей организации, – объяснил Матис. – Мы уверены, что она готовит оперативную базу. В нужное время придут другие и, вероятно, кто-то умрет.

– Эти «плохие люди» знают о вашем существовании?

– Они догадываются о нем, а может быть, принимают без доказательств ту истину, что у них есть противник, – объяснил испанец. – Мы уже ликвидировали двух видных членов их организации и нанесли удары нескольким пособникам. Логично предположить, что они приняли оборонительные меры против нас.

– А сколько жертв было с вашей стороны?

– Только женщина, убитая твоим Туристом, – ответил Матис, а потом поспешил пояснить: – «Твоим» в том смысле, что это ты должен его найти.

Пьетро не поддался на провокацию. Обдумывая то, что сейчас узнал, он встал и поставил на стол блюда и приборы для сладкого. Распаковав десерт, он убедился, что его предположения верны.

– Это мой любимый сладкий десерт с раннего детства – венецианский пирог пинца, который еще называют торт Марантеги, или торт Бефаны². Даже такие суперследователи, как вы, не могли знать об этом, – сказал он, вонзая вилку в мягкое тесто. – В это время года его пекут только по заказу. Значит, вы не заходили в ту кондитерскую. Кто-то хорошо информированный, кому известно даже об этом обеде, использовал вас как почтальонов, чтобы я убедился, что вы хорошие ребята и что ваш рассказ, по меньшей мере, основан на правде.

Гости ничем не выдали своих чувств и продолжали есть куски торта, говоря друг другу, что десерт вкусный, но не настолько, чтобы потерять от него голову. Пьетро подумал, что они совершенно не понимают поэзию этого произведения искусства, которое венецианцы называют «сладкая шляпка». Однако он не стал вступать с гостями в спор, мысленно назвал их варварами и покончил с этим вопросом.

– Бесплезно спрашивать у вас его имя, верно? – внезапно задал он вопрос.

– Этого не нужно, – улыбнувшись, ответил испанец. – Когда будет необходимо, этот человек с тобой свяжется.

Пьетро почувствовал такой приступ любопытства, что готов был закричать. Но он овладел собой. Этот загадочный человек, несомненно, был кем-то из его прошлого – из профессиональной жизни, откуда его вышвырнули пинком. Пьетро убедил себя, что поручение гостей, возможно, позволит ему возобновить связи среди полицейских. У него пересохло горло от волнения.

– Я согласен, – сказал он. – С завтрашнего дня начинаю расследование, но не ожидайте больших результатов. Сейчас у меня, разумеется, нет в распоряжении тех средств для работы, которые были раньше.

– Зато у нас они есть, – вмешался француз, вынимая из кармана куртки флешку в форме рыбки. – Информация, записанная здесь, – все, что мы имеем на данный момент, но мы постараемся удовлетворить все твои запросы.

Самбо взял у него маленький носитель памяти, опустил его в карман брюк и сказал:

– Я ни в коем случае не желаю быть замешанным в ваши операции.

– Мы и не намерены привлекать тебя к ним, – буркнул Сесар, бросая на стол желтый конверт. – Вот тебе деньги на расходы, десять тысяч евро.

Гости решили избавить его от денежных затруднений. Впрочем, он ведь согласился сотрудничать с ними.

В общем и целом Пьетро чувствовал облегчение. Ему хотелось срочно обработать ту массу данных, которые он получил.

Когда гости уходили, Матис дождался Сесара у двери и, когда тот начал спускаться по лестнице, положил Самбо ладонь на плечо.

---

² Бефана в итальянских сказках добрая старушка-фея, которая в ночь с 5 на 6 января залетает в дома и дарит хорошим детям сладости, а плохим вместо подарка дает угольки из очага. Праздник в ее честь – любимый праздник итальянских детей.

– Она мне нравилась, – прошептал он. – Я был влюблен в нее. Она делала вид, что не замечает этого, но мне было не важно: я надеялся, когда закончатся все эти события, убедить ее, что могу сделать ее счастливой. Но когда живешь этой долбаной жизнью, уже не можешь здраво думать о чувствах и ведешь себя как мальчишка.

Изумленный этим признанием, Самбо только кивнул в ответ, и француз ушел. Больше он ничего не сказал: этого было и не нужно.

Ночь прошла сложно, и пробуждение Пьетро было отмечено неприятным выбросом желудочного сока в пищевод. Бывший комиссар безуспешно пытался остановить этот прилив с помощью коктейля из лекарств, кофе и табака.

Того, что он обещал себе накануне вечером, не получилось: Турист не занимал одно из главных мест в его мыслях. Более того, Самбо совсем не думал о нем. После завтрака у вдовы Джанезин и короткой прогулки вдоль улицы Рио-Тера-Сан-Леонардо он позвонил в кондитерскую, где был куплен вчерашний торт.

Хозяйка ответила, что торт заказала по телефону какая-то синьора. Больше она ничего не помнила.

Пьетро зашел в бар на набережной Ормезини. Это заведение находилось в уединенном месте, и бывали здесь только венецианцы. Он заказал четверть литра белого вина. Несколько посетителей его узнали и громко отпустили пару ядовитых шуток в его адрес.

Он не обратил на это внимания – и не только потому, что привык к таким выходкам. Слишком сильно сосредоточился, пытаясь понять, кто была женщина, заказавшая торт. В сущности, только одна из женщин, с которыми он сталкивался на своей полицейской службе, могла по должности, опыту, связям и беспристрастию заинтересовать агентов такого уровня, как Матис и Сесар, – Тициана Базиле, помощница начальника управления. Но Тициана не могла сделать этот заказ, потому что после скандала была его злейшим врагом. Ее высказывания для печати были резкими и жестокими и бросали тень на весь служебный путь комиссара Самбо.

Внезапно заморосил дождь, и Пьетро вернулся домой, решив расширить свои знания о Туристе.

Примерно десять минут он стоял перед компьютером, сжимая в кулаке флешку. Он был взволнован. В первый раз понял, что ему стало легче оттого, что он снова расследует преступление. Возвращение в профессию ослабило мрачное отчаяние оттого, что стал отверженным.

Среди файлов, которых на флешке было много, он сразу принялся искать тот, где были фотографии серийного убийцы. Выбрал самый четкий из первых планов и отпечатал несколько экземпляров этого снимка на фотобумаге. Потом принялся читать профиль, составленный специалистами из Интерпола. Организация, в которую входили Сесар и Матис, могла рассчитывать на очень эффективную сеть информационной поддержки.

По мнению сообщества экспертов, которые анализировали технику убийств, совершенных Туристом, он был хищником-одиночкой и душил молодых женщин у входа в их дома, соблюдая при этом особый ритуал, правда разработанный лишь приблизительно, и завладевал сумочкой жертвы. Все сумочки до единой исчезли бесследно. Сексуального насилия не было, и это убедило ученых в том, что при выборе жертвы главным критерием был трофей. Сумочки все были известных марок и высшего качества.

Раздел, озаглавленный «Предположения по поводу личности», был самым коротким. В нем было всего несколько строк. Убийца действовал в городах, куда приезжает много туристов. Вероятно, он был молод, возраст от 25 до 35 лет, белый, культурный уровень умеренно высокий. И больше ничего.

Самбо посмотрел на фотографию серийного убийцы и подумал, что преступник старше, чем предполагали. На вид Туристу было от сорока до сорока пяти лет. Рано или поздно надо будет сообщить об этом профайлерам, которые расследуют его преступления. Они думают, что

у Туриста есть доходы, которые позволяют ему ездить по миру. Может быть, он из состоятельной семьи или имеет хорошо оплачиваемую профессию и большие промежутки свободного от работы времени, когда может путешествовать.

После четвертого преступления полиция обратила внимание на водителей автобусов, служащих железных дорог, пилотов и бортпроводников, но люди этих профессий не проводили в городах достаточно времени, чтобы попасть в число подозреваемых.

После шестого убийства была проведена огромная работа по перекрестной проверке телекамер возле мест, где были совершены нападения на жертв. И снова ничего. Были замечены несколько человек, которые вели себя подозрительно, – старались не подставлять лицо под объективы, прикрывали лицо волосами, надевали очки или опускали голову, но между ними и убийствами не было обнаружено никакой связи. Это доказывало, что Турист знает свое дело.

Бывший комиссар пропустил примерно тридцать страниц психиатрической оценки и стал искать раздел с объяснениями, как и где преступник вступал в контакт со своими жертвами. Следователи единогласно считали, что Турист выбирал жертв на улице и следовал за совершенно не знакомыми ему женщинами до их домов. В отличие от других серийных убийц он не планировал свои преступления, но немалое число «удач», осторожность и бдительность указывали на то, что он совершенно не собирается попадаться.

«Наконец что-то действительно полезное», – подумал Самбо, ища среди файлов те, в которых была информация о передвижениях женщины. Француз и испанец точно знали, что их коллега вышла из поезда на железнодорожном вокзале Санта-Лючия и возвращалась в дом, который снимала. Когда Матис позвонил ей на сотовый телефон, она была на катере, который довез ее до остановки «Больница Оспedale», дальше она шла пешком.

В первый раз Самбо получил возможность узнать, где жила жертва. Он воспользовался этой информацией и начертил более быстрый путь и несколько других маршрутов.

Самбо вышел из дома и пешком дошел до этого вокзала. Там он стал бродить по холлу и наблюдать. Он следил за женщинами глазами Туриста, а за мужчинами – глазами сыщика, ожидая того поезда, из которого вышла женщина-агент. Он узнал своих бывших коллег, которые охотились за карманниками, и других агентов из отделов по борьбе с терроризмом и наркотиками. Как все проблемные точки города, вокзал находился под крайне внимательным контролем, несмотря на то что охранявших его сотрудников было слишком мало для такого потока пассажиров. Самбо начал обращать внимание на красоту некоторых дам и тогда осознал, что уже давно не смотрел ни на одну женщину. Иностранки не слишком привлекали его потому, что венецианки не только очаровывали красотой, но и, как правило, были очень приятными особами – даже те из них, которые слыли ненормальными сумасбродками. Самбо имел склонность наказывать себя, поэтому вспомнил минуты интимной близости с Изабеллой и бросился, как в пропасть, в чувство вины.

Прозвучавшее несколько раз объявление медленно вернуло его к действительности. Он смешался с толпой пассажиров и пошел по пути, которым шла убитая. Бывший комиссар искал опору для расследования – идеи, указания или, что было бы лучше всего, предположения. За годы службы он узнал по опыту, что все это нельзя недооценивать. Особенно ему хотелось выяснить причины единственного отклонения от нормы, явно заметного в этом преступлении. Почему Турист не покинул Венецию сразу после убийства и даже, видя, что труп не обнаружили, вернулся через целых шесть дней выяснить, что произошло, хотя подвергал себя огромному риску. И риск действительно был: он попал в ловушку с телекамерой, замаскированной под гондолу.

Объективная информация: этот серийный убийца имеет надежное укрытие, где может прятаться.

Самбо не знал, как Турист объяснил себе таинственное исчезновение своей жертвы, но подозревал (и данные Интерпола подтверждали его подозрение), что сообщение об убийстве в массмедиа было частью ритуала, от которой Турист не мог отказаться. В таком случае допустимо предположить, что он начал искать другую женщину с красивой сумочкой.

Бывшему комиссару трудно было вынести мысль, что серийный убийца по-прежнему в городе и готов нанести удар, а он не может предупредить об этом силы правопорядка. Если Турист совершит новое убийство, он, Пьетро Самбо, никогда не простит этого себе.

Через час он зашел в бар на улице Барбариа-делле-Толле, чтобы выпить аперитив. Бар был полон посетителей. Заказывая себе стакан крепкого белого вина, Самбо думал о Туристе. Серийный убийца творит свои дела в полупустом и плохо освещенном городе. В вечерние часы Венеция уже не обслуживает туристов. Немногие открытые заведения становятся островками, где собираются жители города, чтобы выпить последний за день бокал и поболтать перед тем, как запереться дома. В это время уличная жизнь в Венеции, как и в других городах провинции Венето, сосредоточивается на площади, в данном случае – на площади Кампо-Санта-Маргерита. На площади много молодежи, сотни литров венецианского коктейля «Шприц», магазины, казино, нетрезвые местные жители и контроль со стороны полиции, которой из-за этого не хватает людей в других районах.

Венеция в общем и целом была безопасным городом, но серийный убийца с характеристиками Туриста мог чувствовать себя здесь свободно. Единственной серьезной опасностью для него (о которой Турист не мог не думать) оставалось то, что, если его обнаружат и ему придется бежать, у него будет очень мало возможностей уйти безнаказанно. Очень многие пытались это сделать, но удалось только одному. Это был человек, ставший легендой местного преступного мира, бандит, не боявшийся никого, тем более полицейских. Кончилось тем, что его остановили двумя пулями в спину, когда он уходил от полиции на моторной лодке по каналу Пьембо: другого выхода не было.

Но серийные убийцы – люди другого склада, и у Туриста не было бы возможности спастись.

Самбо сел в катер возле дворца Ка-д'Оро, а вышел в Риальто. За статуей Гольдони он свернул на улицу Бисса и через несколько шагов оказался перед старой, всегда полной людей закуской, где кормили хорошо и не драли с посетителей три шкуры.

Бывший комиссар взглянул на предлагаемые блюда и заказал ризотто по-рыбацки и стакан вина вердучцо. Он сел за столик в боковом проходе, откуда была хорошо видна дверь. Скоро появился тот человек, с кем он надеялся встретиться, – Нелло Каприольо, который обеспечивал безопасность многих отелей. Нелло сразу обратил на себя внимание – начал обмениваться с другими посетителями и с кассиром шутками на диалекте, потом громко позвал одну из поварих, и та через несколько секунд вышла из кухни с подносом дымящихся жареных блюд. Нелло сделал вид, что ухаживает за ней, она ответила на это непристойными замечаниями, и через несколько минут все смеялись и шутили. Так устроены венецианцы: они любят шутку, хлесткую насмешку и веселый шум.

Каприольо повернулся к Самбо, указал на него, изобразив на лице удивление, и привлек всеобщее внимание умело выдержанной театральной паузой, а потом сказал:

– Смотрите, кто пришел, – бывший комиссар. На те деньги, которые ты заработал за счет нас, бедных честных налогоплательщиков, ты должен хотя бы заказать пару бутылок просекко.

Разумеется, Пьетро с радостью поддержал эту идею и сделал знак бармену, что делает заказ. Через пару минут Каприольо уже сидел за его столиком. Приятелю бывшего комиссара шел шестой десяток. Он был коренастым коротышкой. Из-за малого роста его не приняли в карабинеры, и ему пришлось довольствоваться должностью «полусыщика». Пьетро и Нелло знали друг друга с детства, потому что оба родились и выросли в районе Кастелло. Друзьями

они никогда не были, но всегда уважали один другого и часто встречались по профессиональным делам.

Каприольо был очень добрым человеком и достаточно видел в своей жизни, чтобы понять, что Самбо заслуживает снисхождения.

– Я догадываюсь, что ты здесь не случайно, – тихо сказал он бывшему комиссару.

Пьетро кивнул и пояснил:

– Мне нужно установить наблюдение. Я ищу одного типа.

– Ты меньше всех можешь позволить себе ходить по Венеции и нести такую чушь, – с удивлением ответил Нелло.

Бывший полицейский вынул из кармана куртки фотографию Туриста крупным планом и сказал:

– Я должен знать, живет ли он сейчас в этом городе.

Каприольо взгляделся в лицо на снимке и спросил:

– Кто это?

– Я не могу тебе этого сказать, а врать не хочется, – ответил Самбо.

– Он опасен?

– Да, и очень.

– Ты должен сказать мне еще что-нибудь, Пьетро.

– Я проверяю свою догадку. Этот тип – я не знаю ни его имя, ни его национальность, – возможно, находится здесь с самыми худшими намерениями.

– Ты не сказал мне ничего полезного, – упрекнул его собеседник.

– Назначь мне цену, – пожав плечами, ответил Самбо.

– Только по Венеции или по всей провинции? – осведомился Нелло.

Это была верная мысль. Большинство туристов селились не в самом городе, а в его окрестностях, где жилье для гостей было дешевле и предлагалось в таком изобилии, что его можно было снять даже за несколько дней до приезда. Но именно этот Турист должен был иметь безопасное убежище где-то не очень далеко.

– Он крыса: никогда не уходит далеко от норы, – ответил Пьетро на полицейском жаргоне.

– Если он живет на съемной квартире с ночлегом и завтраком, у нас нет способа его обнаружить: ты знаешь, сколько их сдают незаконно, – заметил Каприольо.

Он был прав. Сеть хитрых квартирных хозяев, которые не сообщали сведения о своих жильцах, уже давно не давала покоя силам правопорядка. Эти ловкачи рекламировали себя и устанавливали контакты только через Интернет и таким образом уходили от налогов.

– Проверь тех, кто зарегистрирован. Об остальных подумаем, если это будет нужно. Надеюсь, этого не случится.

Нелло задумчиво кивнул, потом произнес:

– Я не могу запросить с тебя меньше чем три тысячи.

– Хорошо, – согласился Пьетро и добавил: – Половину я могу дать тебе сейчас.

– А откуда ты их возьмешь? Все знают, что ты положил зубы на полку.

– У меня есть немного сбережений.

– Чепуха! Ты работаешь на кого-то, и мне было бы приятно узнать на кого.

Самбо пристально посмотрел на него и спросил:

– Разве это так важно? Ты ничем не рискуешь.

– Я мог бы запросить больше, верно? – усмехнулся Нелло.

– Да.

Каприольо вздохнул и сказал:

– Иди помочиться и оставь конверт за бачком в уборной.

Пьетро допил остаток вина, поднялся со стула и спросил:

– Сколько времени тебе нужно?

– Увидимся здесь через два дня, – ответил Нелло, тоже вставая из-за стола.

Самбо остановился, чтобы посмотреть на мост Риальто. Когда-то, на вершине своей карьеры, он часто приходил на Большой канал и стоял, прислонившись к парапету, возвышавшемуся над водой. Тогда он думал, что необходим Венеции как защитник своих земляков и что Венеция должна быть признательна ему за этот труд. Он не понимал, что его город не уважает даже себя.

Мимо него медленно проплыл катер с вокзала. Самбо постарался не смотреть на обычную группу туристов, которые непрерывно и с преувеличенным весельем приветствовали всех, кого видели.

Он предпочел зажечь еще одну сигарету, чтобы не пытаться запомнить их лица и задать себе вопросы по поводу жизни этих незнакомцев. Он не хотел поддаваться этому соблазну, потому что хорошо знал: тогда он начнет жалеть, что не может поменяться судьбой с любым из них.

В Венеции, среди ее красоты, рожденной из воды и камня, каждый день тысячи судеб прикасались одна к другой. Иногда они переплетались или сталкивались, а потом сливались в одну.

Пьетро Самбо услышал шум катера, который останавливался у причала на другой стороне канала, и без видимой причины решил идти дальше.

Одним из первых пассажиров, сошедших с катера, был Абель Картагена, который быстрым шагом направился в противоположную сторону.

Глава 4

Картагена был вынужден впитать в себя болтовню и чай своей квартирной хозяйки, синьоры Кэрол Коули-Бьондани, перед тем как получить из ее рук ключи от квартиры на Кампо-де-ла-Лана, состоявшей из спальни, кабинета, ванной, гостиной и кухни. Квартира была просторной, с разумным расположением комнат и меблирована со вкусом.

Абель был взволнован и не мог дождаться утра: ему не терпелось начать охоту за новой избранницей. Он не хотел есть и тем более не хотел спать. Турист включил компьютер, вошел в Гугл, ввел в строку поиска на английском языке слова «Венеция картинки» и стал просматривать фотографии дворцов и особняков – десятки и десятки снимков, – разыскивая тот, в котором, вероятно, жила загадочная красавица. Он подумал, что будет просто сказочным наслаждением, отняв у нее жизнь, вскрыть потом ее сумочку и выяснить, почему красавица так много значила для бельгийки из полиции. Значила столько, что бельгийка даже прятала в дне своей сумки флешку с ее фотографиями.

«Шпионская история», – подумал Абель. Случай привел его в центр интриги. Он, Турист, продолжит перетасовывать их карты по-своему. И будет менять их расклад только потому, что это ему приятно. Это же настоящее чудо! Благодаря тому, что много лет убивал совершенно безнаказанно, он стал чувствовать себя непобедимым. Но теперь он чувствовал себя еще и могущественным. Во всей литературе о психопатии, которую он читал, ученые доказывали, какое сильное отрицательное влияние такие люди, как он, могут иметь на чужие жизни. В этот раз он будет влиять на нечто большее – на таинственные интересы и события, в которых участвует неизвестное количество людей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.